

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

ГРНТИ 10.79.91

УДК 343.13; 34.05

DOI: 10.54649/2077-9860-2025-4-67-75

М.Е. Қасымхан¹

¹магистр юридических наук, сеньор-лектор Высшей школы права «Әділет»

Каспийского общественного университета

(г. Алматы, Казахстан)

ORCID: 0009-0009-8389-0232, e-mail: m.kasymhan@cu.edu.kz

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАЗАХСТАНА И КИТАЯ

Аннотация

Настоящая статья посвящена сравнительно-правовому анализу института ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства в Республике Казахстан и Китайской Народной Республике. Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью процессуальной формы в обеспечении законности уголовного судопроизводства и защиты прав личности. Автор рассматриваются теоретические основы уголовно-процессуального права двух стран, дается классификация процессуальных нарушений и выявляются их основные виды, среди которых незаконные задержания, применение пыток, фальсификация доказательств и ограничение доступа к защитнику.

В работе анализируются нормативные модели ответственности: в Казахстане представлена многоуровневая система, включающая уголовную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность при ключевой роли прокурорского надзора и судебного контроля. Исследование китайской модели reveals, что при формальном наличии сходных уголовно-правовых запретов фактическое привлечение к ответственности остается крайне ограниченным вследствие доминирования партийно-дисциплинарных механизмов, отсутствия независимого судебного контроля и приоритета государственных интересов над индивидуальными правами.

Сравнительный анализ демонстрирует, что различия в подходах детерминированы не особенностями юридической техники, а глубинными расхождениями в политико-правовых системах. Казахстан демонстрирует движение к стандартам правового государства и международным нормам, тогда как китайская система сохраняет подчиненность уголовного процесса задачам партийно-государственного управления. В заключении формулируются рекомендации по совершенствованию механизмов ответственности в обеих странах, направленные на обеспечение баланса публичных интересов и прав личности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, юридическая ответственность, процессуальные нарушения, сравнительно-правовой анализ, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена ключевой ролью уголовно-

процессуального права в обеспечении баланса между публичными интересами государства в борьбе с преступностью и защитой прав и законных интересов личности. В современных

условиях именно процессуальная форма выступает гарантом законности и обоснованности принимаемых в ходе уголовного судопроизводства решений. Нарушения установленной законом процедуры не только дискредитируют саму идею правосудия в глазах общества, но и способны причинить невосполнимый вред правам участников процесса, что в конечном итоге ведет к девальвации судебных актов и снижению уровня правовой защищенности граждан [1, с. 15].

В этой связи особую научно-практическую значимость приобретает сравнительно-правовой анализ подходов различных государств к конструированию механизмов юридической ответственности за допущенные процессуальные нарушения. Изучение зарубежного опыта позволяет выявить как универсальные закономерности развития института процессуальной ответственности, так и уникальные национальные модели правовой защиты, обусловленные особенностями исторического развития, правовой культуры и политического режима.

Республика Казахстан (РК) и Китайская Народная Республика (КНР) представляют собой репрезентативные примеры двух различных правовых систем, демонстрирующих существенные расхождения в подходах к регулированию данной сферы. Казахстанская модель, развиваясь в русле континентальной правовой традиции, демонстрирует последовательную ориентацию на утверждение демократических принципов судопроизводства, правовую определенность и активную интеграцию международных стандартов в области прав человека. В свою очередь, китайская модель характеризуется сложным синтезом законодательных установлений и механизмов партийно-административного контроля, что придает институту ответственности специфические черты, отличающие его от западных аналогов.

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере привлечения к ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства. Предметом исследования являются нормативные правовые акты Республики Казахстан и Китайской Народной Республики, регламентирующие основания и виды ответственности за процессуальные нарушения, а также сложившаяся в обеих странах правоприменительная практика.

Цель работы заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа института ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства в РК и КНР, а также в выявлении общих черт и концептуальных различий в теоретических

подходах и практической реализации соответствующих правовых норм. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть теоретические основы и классификацию нарушений уголовно-процессуального закона; проанализировать нормативное регулирование и практику привлечения к ответственности в Республике Казахстан; исследовать специфику ответственности за процессуальные нарушения в Китайской Народной Республике; провести сравнительный анализ выявленных моделей и сформулировать обоснованные выводы.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные положения общей теории права, труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовно-процессуального права, а также научные публикации, посвященные проблемам юридической ответственности в публично-правовой сфере.

Нормативно-правовую базу работы образуют: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года¹, Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года², Закон Республики Казахстан «О государственной службе»³ и иные подзаконные нормативные акты, регламентирующие деятельность органов уголовного преследования. При исследовании китайской модели использовались Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики⁴ в действующей редакции, Уголовный кодекс КНР⁵, а также ведомственные акты и партийно-административные документы, регулирующие порядок привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников правоохранительных органов.

Эмпирическую основу исследования составили материалы правоприменительной практики, данные официальной статистики, обзоры судебной и прокурорской деятельности, а также доклады международных правозащитных

¹ Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 09.04.2025).

² Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗПК «Уголовный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 09.04.2025).

³ Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗПК «О государственной службе Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения: 09.04.2025).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: https://chinalaw-info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 09.04.2025).

⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/20250430_11614090.htm (дата обращения: 09.04.2025).

организаций, содержащие анализ соблюдения процессуальных прав в уголовном судопроизводстве обеих стран.

Методологическую основу работы представляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть институт ответственности за процессуальные нарушения в его развитии и во взаимосвязи с иными правовыми явлениями. Методы анализа и синтеза применены для вычленения структурных элементов исследуемых правовых институтов и последующего обобщения полученных данных. Системно-структурный метод обеспечил возможность изучения ответственности за процессуальные нарушения как целостного явления, функционирующего в контексте национальных политико-правовых систем Казахстана и Китая.

Среди специально-юридических методов ключевое значение имеет сравнительно-правовой (компаративный) метод, посредством которого выявлены общие закономерности и существенные различия в подходах двух государств к установлению оснований, видов и процедур реализации ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства. Формально-юридический метод использован при анализе содержания правовых норм, выявлении их логических связей и юридико-технических особенностей изложения. Интерпретационные методы (грамматическое, систематическое, историческое толкование) позволили раскрыть действительное содержание исследуемых нормативных предписаний.

Результаты и обсуждение

1. Теоретические основы и системная характеристика нарушений уголовно-процессуального законодательства в РК и КНР

Уголовно-процессуальное законодательство, будучи системой норм, регламентирующих порядок возбуждения, расследования, судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел, выполняет двуединую задачу. С одной стороны, оно создает необходимый правовой механизм для реализации государственной функции уголовного преследования, с другой – выступает ключевым гарантом защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту судопроизводства. В Республике Казахстан данный нормативный массив, кодифицированный в УПК РК, базируется на принципах, соответствующих передовым международным стандартам: законности, презумпции невиновности, состязательности сторон и уважения к

человеческому достоинству¹. Тем самым казахстанское процессуальное право ориентировано на обеспечение баланса между публичным интересом и недопустимостью произвольного вмешательства государства в частную жизнь.

В Китайской Народной Республике уголовно-процессуальный закон также формально регулирует все стадии уголовного процесса². Однако, как справедливо отмечается в компаративистских исследованиях, содержательное наполнение и реальное функционирование китайской системы обнаруживают существенную специфику [2, р. 45]. Она в значительно большей степени ориентирована на доктрину социалистической законности, предполагающую приоритет коллективных и государственных интересов, и пронизана механизмами партийного контроля. Вследствие этого такие фундаментальные процессуальные гарантии, как право на квалифицированную юридическую помощь, неприкосновенность личности и презумпция невиновности, на практике нередко обретают декларативный характер, а их реализация зависит от усмотрения административных и партийных структур. Тесная связь уголовного преследования с партийно-административной вертикалью объективно ограничивает независимость следственных и судебных органов, формируя среду, потенциально благоприятствующую процессуальным нарушениям.

Изложенное понимание сущности и функциональной нагрузки уголовно-процессуального права в двух странах создает необходимую теоретическую основу для анализа конкретных форм отклонения от предписанного законом порядка. В этой связи принципиальное значение приобретает определение самого понятия нарушения уголовно-процессуального законодательства и его классификация. Исходя из изложенного, под нарушением уголовно-процессуального законодательства следует понимать виновное, противоправное действие или бездействие участников уголовного судопроизводства, противоречащее установленному законом порядку и влекущее предусмотренные законом негативные последствия. Подобные деяния могут иметь место на любой стадии процесса. Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет классифицировать их по ряду оснований: по субъектному составу (нарушения, допускаемые судом, следователем, прокурором, органа-

¹ Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 09.04.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: https://chinalaw-info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 09.04.2025).

ми дознания); по стадии процесса (нарушения в досудебном производстве, в ходе судебного разбирательства, на стадии исполнения приговора); по характеру последствий (признание доказательств недопустимыми, отмена или изменение судебных актов, привлечение виновных должностных лиц к юридической ответственности).

Примечательно, что виды нарушений, фиксируемых в обеих странах, во многом схожи, что позволяет говорить об универсальном характере основных проблем уголовного судопроизводства. В Казахстане к числу наиболее распространенных относятся незаконные задержания, применение пыток и иного недопустимого обращения, принуждение к даче показаний, фальсификация доказательств, воспрепятствование доступу к защитнику, а также превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов. В КНР фиксируются аналогичные нарушения: задержания без судебного ордера, ограничение либо воспрепятствование доступу адвоката, внесудебная конфискация имущества, применение пыток в ходе досудебного следствия¹. Отличительной чертой китайской правоприменительной практики является институционализация механизмов получения «вынужденного признания», которое *de facto* продолжает рассматриваться как «царица доказательств», несмотря на формальные законодательные запреты. Данная практика подвергается последовательной критике со стороны международных правозащитных организаций и ставит под сомнение реализацию принципа презумпции невиновности. Важно подчеркнуть, что системный характер подобных нарушений в условиях отсутствия эффективных механизмов независимого контроля и рассмотрения жалоб зачастую ведет к фактической безнаказанности виновных должностных лиц, что особенно характерно для китайской модели правосудия.

2. Институт ответственности за процессуальные нарушения в Республике Казахстан: нормативная модель и практика реализации

Выявленная типология нарушений закономерно ставит вопрос о том, какие правовые средства задействуются в каждом из государств для реагирования на подобные отклонения и восстановления нарушенной законности. Анализ казахстанского законодательства показывает, что ответственность за нарушения уголовно-процессуальных норм в Республике Казахстан представляет собой многоуровневую систему, закрепленную в различных отраслях законодательства. Статья 416

УК РК предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств и оперативно-розыскных, контрразведывательных материалов лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником. Наконец, статья 418 УК РК криминализирует вынесение судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Наличие данных норм свидетельствует о признании государством высокой общественной опасности процессуальных правонарушений, совершаемых должностными лицами, и стремлении обеспечить неотвратимость ответственности за наиболее грубые формы отступлений от требований закона².

Однако уголовная репрессия, при всей ее значимости, не является единственным и даже не всегда наиболее оперативным средством реагирования на процессуальные нарушения. Параллельно с ней действует разветвленная система дисциплинарной ответственности. В соответствии с Законом РК «О государственной службе» и ведомственными кодексами этики, сотрудники органов досудебного расследования и прокуратуры могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям за нарушение процессуальных сроков, несоблюдение инструкций по ведению следствия, а также за любые действия, ущемляющие права участников процесса³. Кроме того, законодательством предусмотрена гражданско-правовая ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц (например, в случае вынесения оправдательного приговора лицу, длительное время содержавшемуся под стражей). Данный механизм выступает важной компенсаторной гарантией для потерпевших от судебно-следственных ошибок.

Наличие разветвленной системы норм, однако, само по себе не гарантирует их эффективного применения. Институциональным фундаментом обеспечения законности в досудебном производстве выступает прокурорский надзор. Прокуроры уполномочены проверять законность возбуждения уголовных дел, обоснованность применения мер пресечения и соблюдение процессуальных сроков. Тем не менее, эффективность данного надзорного механизма не является абсолютной. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии проблем, особенно в производствах, где к ответственности привлекаются сами со-

² Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК «Уголовный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 09.04.2025).

³ Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения: 09.04.2025).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: https://chinalaw.info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 09.04.2025).

трудники правоохранительных органов. В подобных случаях нередко срабатывают механизмы корпоративной солидарности, препятствующие объективному расследованию. Как следствие, отдельные резонансные дела, связанные с применением пыток и грубыми нарушениями права на защиту, становятся предметом эффективного разбирательства лишь после обращения заявителей в международные инстанции, включая Комитет ООН против пыток. Это указывает на сохраняющийся разрыв между нормативной моделью ответственности и ее реализацией на практике.

3. Специфика ответственности за процессуальные нарушения в Китайской Народной Республике: формальные нормы и реальные механизмы

Если казахстанская модель, несмотря на отдельные недостатки, демонстрирует стремление к интеграции в международное правовое поле и опору на классические институты судебного контроля, то подход КНР к рассматриваемой проблеме базируется на принципиально иных основаниях. Система уголовного судопроизводства КНР представляет собой уникальный феномен, синтезирующий элементы социалистической законности, традиционные для китайской цивилизации представления о справедливости и жесткий централизованный партийный контроль. Данная специфика предопределяет принципиально иной, по сравнению с казахстанским, подход к ответственности за нарушение процессуальных норм. В отличие от Казахстана, где доминирует ориентация на судебную защиту прав, в Китае ключевая роль в пресечении и наказании процессуальных нарушений отведена партийным дисциплинарным и административным органам [3, с. 102].

При этом важно подчеркнуть, что формально-юридический каркас китайской системы ответственности выглядит вполне репрезентативно. Формально Уголовный кодекс КНР содержит ряд статей, направленных на обеспечение законности в уголовном процессе. Так, статья 247 УК КНР предусматривает наказание для должностных лиц, применяющих насилие или иные незаконные методы при производстве допросов¹. Однако наличие подобных законодательных положений не коррелирует с практикой их применения, которая остается крайне ограниченной. Данное обстоятельство обусловлено совокупностью системных факторов.

Во-первых, в КНР отсутствует независимый судебный контроль за деятельностью органов следствия. Прокуратура, следственные органы

и суды функционируют под единым руководством партийных комитетов, что делает практически невозможным объективное и беспристрастное рассмотрение жалоб на действия сотрудников правоохранительной системы. Такие жалобы, как правило, рассматриваются внутри ведомства или передаются в партийную комиссию по дисциплине, что исключает публичность и независимую оценку.

Во-вторых, государственная идеология ставит приоритет общественной стабильности и государственных интересов выше индивидуальных прав. Вследствие этого неправомерные действия, совершенные, по мнению властей, во имя поддержания порядка и безопасности, склонны замалчиваться, а их исполнители – не привлекаться к ответственности.

В-третьих, широкое распространение получила практика подмены уголовной ответственности партийно-дисциплинарной. Нарушения уголовно-процессуальных норм нередко квалифицируются не как преступления, а как дисциплинарные проступки, влекущие за собой партийные взыскания (предупреждение, выговор, понижение в должности, исключение из партии), которые не требуют судебного разбирательства и остаются внутренним делом партийной организации.

Закономерным следствием описанных институциональных особенностей становится крайне низкая результативность механизмов привлечения к ответственности. Как следствие, случаи привлечения сотрудников правоохранительных органов КНР к реальной уголовной ответственности за процессуальные нарушения являются единичными и, как правило, получают огласку лишь тогда, когда затрагивают интересы самой элиты. Международные правозащитные организации (Amnesty International, Human Rights Watch) неоднократно документировали системное применение пыток, ограничение доступа к защитнику, длительное содержание под стражей без предъявления обвинения и суда². Однако эти факты крайне редко становятся основанием для полноценного и публичного расследования. Особую тревогу вызывает сохраняющаяся практика получения признательных показаний под давлением, которая, несмотря на формальный запрет, остается рутинной. Трансляция по телевидению признаний обвиняемых еще до суда является грубейшим нарушением принципа презумпции невиновности и оказывает психологическое давление как на самого подсудимого, так и на общественное мнение.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: https://chinalaw-info.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 09.04.2025).

² Amnesty International. Annual Report 2022/23: The State of the World's Human Rights. — London: Amnesty International Ltd, 2023. — 42 p. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/poll0/5670/2023/en/> (accessed: 10.04.2025).

Симптоматично, что даже институциональные механизмы, призванные обеспечивать надзор, встроены в ту же логику партийного контроля. Надзор за уголовным судопроизводством в КНР фактически дублируется партийными структурами, прежде всего Центральной комиссией по проверке дисциплины. Однако функционал этого органа направлен не на защиту прав граждан, а на поддержание внутренней дисциплины и лояльности партийной номенклатуры. Предпринимаемые с начала 2010-х годов попытки реформирования УПК, декларирующие усиление роли адвокатов и ограничение произвольного задержания, в условиях отсутствия независимой судебной власти не способны кардинально изменить ситуацию. Таким образом, система ответственности за процессуальные нарушения в КНР, будучи формально закрепленной в законе, характеризуется крайне низкой эффективностью и остается по преимуществу инструментом политического управления, а не механизмом защиты индивидуальных прав от произвола государства.

4. Сравнительный анализ моделей ответственности и их институциональная обусловленность

Изложенное выше позволяет заключить, что перед нами предстают две существенно различающиеся модели реагирования на нарушения уголовно-процессуального закона. Проведенный анализ позволяет перейти к непосредственному сравнению выявленных моделей и выявлению их институциональной обусловленности. Сопоставление подходов Казахстана и Китая к ответственности за процессуальные нарушения обнаруживает как точки соприкосновения, так и фундаментальные расхождения.

Общим является формальное закрепление в законодательстве обеих стран составов правонарушений, связанных с нарушением процессуальных норм. И УК РК, и УК КНР содержат статьи, предусматривающие ответственность за пытки, фальсификацию доказательств, превышение должностных полномочий. Однако на этом сходство, по существу, исчерпывается, уступая место глубоким системным различиям.

Принципиальное различие заключается в целевой ориентации и институциональном дизайне механизмов ответственности. Казахская модель, будучи встроенной в контекст построения правового государства, в значительной степени ориентирована на имплементацию международных стандартов справедливого правосудия. Это выражается в признании примата прав личности, развитии институтов судебного и прокурорского контроля, а также

в наличии формализованных процедур обжалования действий и решений должностных лиц. Китайская же модель, при формальном закреплении схожих принципов, де-факто подчинена задачам сохранения политической стабильности и управляемости. Права личности здесь не являются самодовлеющей ценностью и могут быть ограничены, если этого требуют, по мнению властей, государственные или коллективные интересы.

Наиболее рельефно это различие проявляется в институциональных механизмах контроля. В Казахстане функционирует относительно независимая система прокурорского надзора и судебного обжалования, а также независимая адвокатура, способная оказывать реальное противодействие обвинительному уклону. В Китае же ключевым субъектом надзора выступают не суды, а партийные дисциплинарные комиссии, что принципиально меняет природу контроля: он направлен не на защиту права, а на обеспечение лояльности и дисциплины внутри самой властной вертикали. Правозащитные институты, включая адвокатуру, находятся под жестким контролем и не могут эффективно выполнять свои функции.

Систематизированное сопоставление подходов двух стран позволяет выявить принципиальные различия по ряду ключевых критериев. Если Казахстан репрезентует континентальную модель, ориентированную на демократические стандарты правосудия, то китайская правовая система сохраняет социалистический характер с доминированием партийно-административного контроля над судопроизводством. В сфере нормативного регулирования казахстанское законодательство предлагает четкую правовую регламентацию оснований ответственности, закрепленных в уголовном и процессуальном законодательстве, а также в законах о государственной службе, тогда как в КНР при формальном наличии схожих норм в УК и УПК фактический приоритет принадлежит партийно-дисциплинарным установлениям. Соответственно, если в Казахстане реализуется триединая система уголовной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности, то для Китая характерно доминирование внутрипартийной дисциплинарной ответственности, в то время как уголовное преследование виновных должностных лиц выступает скорее исключением, нежели правилом. Наиболее существенные расхождения обнаруживаются в институциональных механизмах контроля: казахстанская модель опирается на судебный контроль, прокурорский надзор и деятельность независимой адвокатуры, тогда как в КНР ключевая роль отведена партийным дисциплинарным комиссиям при фор-

мальном существовании зависимых от партии судов и прокуратуры. Наконец, прозрачность и публичность процедур привлечения к ответственности в Казахстане, будучи относительно высокой, дополняется возможностью обращения граждан в международные правозащитные инстанции, тогда как китайские процедуры сохраняют закрытый характер, а подавляющее большинство дел о правонарушениях сотрудников правоохранительных органов не становится предметом общественной огласки.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование института ответственности за нарушения уголовно-процессуального законодательства в Республике Казахстан и Китайской Народной Республике позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и практико-ориентированное значение.

Анализ показал, что при внешнем сходстве нормативных предписаний, закрепляющих недопустимость процессуальных нарушений, модели их предотвращения и пресечения в двух государствах демонстрируют фундаментальные различия. Данные различия детерминированы не столько особенностями юридической техники, сколько глубинными расхождениями в политико-правовых системах, понимании роли государства в уголовном процессе и степени гарантированности прав личности.

Республика Казахстан демонстрирует последовательное движение в направлении утверждения стандартов правового государства. Это выражается в имплементации международных принципов справедливого правосудия, развитии институтов судебного и прокурорского контроля, а также в функционировании многокомпонентной системы ответственности, включающей уголовные, дисциплинарные и гражданско-правовые механизмы. Несмотря на сохраняющиеся проблемы правоприменительного характера, связанные с корпоративной солидарностью и не всегда эффективной реализацией надзорных полномочий, наличие независимых институтов и каналов обращения в международные органы создает предпосылки для поступательного укрепления законности и подотчетности должностных лиц.

В противоположность этому, система уголовного судопроизводства КНР, при формальном наличии законодательных запретов противоправных методов расследования, остается инструментом, подчиненным задачам партийно-государственного управления. Доминирование внутрипартийных дисциплинарных механизмов над правовыми процедурами, отсутствие независимого судебного контроля и фактическая невозможность обжалования действий властей в беспристрастную инстанцию обуславливают крайне низкую эффективность привлечения к ответственности за процессуальные нарушения. Системные проблемы, включая практику получения признательных показаний под давлением и ограничение доступа к защите, сохраняются вопреки периодическим законодательным реформам, что позволяет характеризовать правосудие в КНР как преимущественно обвинительное и закрытое для общественного контроля.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительная практика обеих стран объективно нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Ключевым вектором такого развития должно стать обеспечение устойчивого баланса между публичными интересами государства в борьбе с преступностью и неотчуждаемыми правами личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства. Для Казахстана приоритетными остаются задачи повышения эффективности прокурорского надзора и судебного контроля, а также неуклонное соблюдение процессуальных гарантий на всех стадиях процесса. Для Китайской Народной Республики принципиальным вызовом выступает необходимость институциональной трансформации, направленной на обретение судебной системой реальной независимости от партийно-административного влияния, и формирование действенных, а не декларативных механизмов защиты прав человека. Только в условиях неотвратимости и реальности юридической ответственности для всех должностных лиц, независимо от их положения, возможно построение эффективной, справедливой и гуманной системы уголовного судопроизводства, отвечающей современным международным стандартам.

Список литературы

1. Головки Л.В. Курс уголовного процесса. – М.: Статут, 2016. – 456 с.
2. Chen G. The Criminal Procedure Law of the PRC: A Commentary. – Beijing: Law Press China, 2018. – 320 p.
3. Трошинский П.В. Правовая система Китая. – М.: ИДВ РАН, 2021. – 280 с.

References

1. Golovko L.V. Kurs ugovalnogo protsessa. – M.: Statut, 2016. – 456 s.
2. Chen G. The Criminal Procedure Law of the PRC: A Commentary. – Beijing: Law Press China, 2018. – 320 p.
3. Troshchinskiy P.V. Pravovaya sistema Kitaya. – M.: IDV RAN, 2021. – 280 s.

М.Е. Қасымхан¹

¹Құқықтану магистрі, Каспий қоғамдық университеті
«Әділет» Жоғары құқық мектебінің сеньор-лекторы (Алматы қ., Қазақстан)
ORCID: 0009-0009-8389-0232, e-mail: m.kasymhan@cu.edu.kz

ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ҚЫТАЙ ҚЫЛМЫСТЫҚ СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУІНДЕГІ ПРОЦЕСТІК БҰЗУШЫЛЫҚТАР ҮШІН ЖАУАПКЕРШІЛІК ИНСТИТУТЫНЫҢ САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЗЕРТТЕЛУІ

Аңдатпа

Мақала Қазақстан Республикасы мен Қытай Халық Республикасындағы қылмыстық-процестік заңнаманы бұзғаны үшін жауапкершілік институтына салыстырмалы-құқықтық талдау жасауға арналған. Зерттеудің өзектілігі қылмыстық сот ісін жүргізудің заңдылығын қамтамасыз етудегі және жеке тұлғаның құқықтарын қорғаудағы процестік нысанның шешуші рөлімен айқындалады. Автор екі елдің қылмыстық-процестік құқығының теориялық негіздерін қарастырып, процестік бұзушылықтардың жіктелуін ұсынады және олардың негізгі түрлерін анықтайды. Олардың қатарында заңсыз ұстау, азаптауды қолдану, дәлелдемелерді бұрмалау және қорғаушыға қол жеткізуді шектеу бар.

Жұмыста жауапкершіліктің нормативтік модельдері талданды: Қазақстанда қылмыстық, тәртіптік және азаматтық-құқықтық жауапкершілікті қамтитын көпдеңгейлі жүйе қалыптасқан, онда прокурорлық қадағалау мен сот бақылауы шешуші рөл атқарады. Қытай моделін зерттеу формалды түрде ұқсас қылмыстық-құқықтық тыйымдардың болуына қарамастан, нақты жауапкершілікке тарту деңгейі партиялық-тәртіптік тетіктердің үстемдігіне, тәуелсіз сот бақылауының болмауына және мемлекеттік мүдделердің жеке құқықтардан басымдығына байланысты айтарлықтай шектеулі екенін көрсетеді.

Салыстырмалы талдау тәсілдердегі айырмашылықтар заң техникасының ерекшеліктерімен емес, саяси-құқықтық жүйелердің іргелі өзгешеліктерімен айқындалатынын дәлелдейді. Қазақстан құқықтық мемлекет қағидаттарына және халықаралық стандарттарға жақындау үрдісін көрсетсе, Қытай жүйесі қылмыстық процесті партиялық-мемлекеттік басқару міндеттеріне бағындыруды сақтап отыр. Қорытынды бөлімде екі елде де жауапкершілік тетіктерін жетілдіруге бағытталған, жария мүдделер мен жеке құқықтар арасындағы теңгерімді қамтамасыз етуге арналған ұсынымдар тұжырымдалды.

Түйінді сөздер: қылмыстық-процестік заңнама, заңдық жауапкершілік, процестік бұзушылықтар, салыстырмалы-құқықтық талдау, Қазақстан Республикасы, Қытай Халық Республикасы.

М.Е. Kassymkhan¹

¹Master of Laws, Senior Lecturer, Adilet Higher School of Law, Caspian Public University (Almaty, Kazakhstan)
ORCID: 0009-0009-8389-0232, e-mail: m.kasymhan@cu.edu.kz

A COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE INSTITUTION OF LIABILITY FOR PROCEDURAL VIOLATIONS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF KAZAKHSTAN AND CHINA

Abstract

This article is devoted to a comparative legal analysis of the institution of liability for violations of criminal procedural legislation in the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China. The relevance of the study is обусловлен the pivotal role of procedural form in ensuring the legality of criminal proceedings and the protection of individual rights. The author examines the theoretical foundations of criminal procedural law in both countries, proposes a classification of procedural violations, and identifies their principal types, including unlawful detention, the use of torture, fabrication of evidence, and restrictions on access to legal counsel.

The paper analyzes the normative models of liability: in Kazakhstan, a multi-level system is established, encompassing criminal, disciplinary, and civil liability, with prosecutorial supervision and judicial control playing a central role. The examination of the Chinese model demonstrates that, despite the formal existence of similar criminal prohibitions, the actual imposition of liability remains extremely limited due to the predominance of party-disciplinary mechanisms, the absence of independent judicial oversight, and the prioritization of state interests over individual rights.

The comparative analysis shows that the differences in approaches are determined not by features of legal drafting technique, but by fundamental divergences in the political and legal systems. Kazakhstan demonstrates movement toward the standards of the rule of law and international norms, whereas the Chinese system maintains the subordination of criminal procedure to the objectives of party-state governance. The conclusion formulates recommendations aimed at improving accountability mechanisms in both countries, ensuring a balanced relationship between public interests and the protection of individual rights.

Keywords: criminal procedural legislation, legal liability, procedural violations, comparative legal analysis, Republic of Kazakhstan, People's Republic of China.